

Иван Михайлович Майский [Ляховецкий]

НАПОЛЕОН и ИСПАНИЯ

Из ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
и МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ

Сборник статей в память академика

Евгения Викторовича ТАРЛЕ

М.: изд-во Академии наук СССР. 1957. С.292-313

Веб-публикация: *Vive Liberta* 2011

Ссылки на тематические материалы даны нами после статьи

В своем безудержном стремлении к мировому господству Наполеон столкнулся с двумя главными врагами, которых до конца своей карьеры он так и не смог победить,— с Россией и Англией. Однако с помощью то меча, то оливковой ветви он упорно пытался преодолеть их сопротивление и, в конце концов, все-таки придти к манившей его цели.

В июле 1807 г. Наполеон проделал очередной тактический маневр в отношении России: используя свою победу под Фридрихсборгом, а также маня Александра I возможностью захватить часть Турции, французский император в Тильзите заключил с своим российским собратом оборонительный и наступательный союз. Тем самым один из двух главных врагов Наполеона временно был нейтрализован и даже превращен в не слишком надежного друга, и Наполеон развязал себе руки для нанесения решительного удара по другому своему главному врагу — Англии.

Этот решительный удар против островного королевства носил несколько необычную для Наполеона форму. Несмотря на всю свою военную гениальность, Наполеон не смог преодолеть 22-мильной полосы соленой воды, отделяющей Англию от континента Европы, а гибель франко-испанского флота в битве при Трафальгаре в 1805 г. поставила крест над всеми его планами вторжения на британскую землю. Лишенный возможности покорить Англию силой меча, Наполеон решил поставить ее на колени с помощью континентальной блокады: указом от 21 ноября 1806 г. Франция и вся подвластная Наполеону Европа обязывались прекратить торговлю с Великобританией.

Англия к началу XIX в. уже стала промышленно развитой страной, для которой рынки континентальной Европы имели большое экономическое значение. Указ 1806 г., разрывая всякие связи Англии с этими рынками, причинял ей большие убытки. Наполеон надеялся, что эта мера ввергнет в полное разорение английских купцов и фабрикантов. Тогда британцы пойдут на все уступки французскому императору. Одновременно, с помощью континентальной блокады Наполеон рассчитывал дать мощный толчок развитию молодой французской промышленности, сильно страдавшей от английской конкуренции.

Однако для того, чтобы континентальная блокада была эффективна, она должна была охватывать действительно весь европейский континент. Иначе английские товары смогли бы проникать на европейские рынки через нейтральные страны. В начале 1807 г. в сплошной цепи блокады имелись два опасных окна: Россия и Пиренейский полуостров. Тильзит ликвидировал один из них: в соответствии с своими союзными обязательствами Россия присоединилась к бойкоту английской торговли. Но второе окно оставалось. Правда, Испания и Португалия открыто не выступали

против континентальной блокады. Испанский король Карл IV усердно заискивал перед Наполеоном и готов был исполнить любое его приказание, однако французский император не верил ему. Ведь континентальная блокада была не только по Англии. Другим своим концом она болезненно затрагивала интересы французских, немецких, русских, испанских помещиков и крестьян, сбывавших в Англию шерсть, лен, лес и другие продукты сельского хозяйства. Поэтому, Карл IV, числившийся еще одним из «независимых» монархов европейского континента, едва ли стал бы, несмотря на все свое раболепие, энергично проводить бойкот английской торговли. Что же касается Португалии, то это была старинная союзница Англии, и, конечно, она приложила бы все усилия к тому, чтобы противодействовать блокаде путем широкого поощрения контрабанды. Отсюда следовал вывод: надо плотно закрыть пиренейское окно, т. е. захватить Испанию и Португалию и превратить их в части огромной французской империи.

Такова была основная причина, толкнувшая Наполеона на завоевание Испании.

Но была и другая — это глубокая уверенность Наполеона в чрезвычайной легкости победы. К описываемому времени он был сильно избалован успехами. Большую роль тут играл не только его военный гений, но и тот факт, что Наполеон объективно все-таки оставался носителем новых буржуазно-капиталистических порядков, более высоких, чем феодализм, господствовавший тогда почти во всех континентальных государствах. Об этом особенно ярко свидетельствовал разгром Пруссии в 1806—1807 гг. Наполеон относился с презрением к правящим кругам своих феодальных противников. Он ясно видел их глубокое разложение, их трусость, продажность и неспособность к серьезному сопротивлению. Он умел превосходно использовать в своих интересах все эти свойства Габсбургов, Гогенцоллернов, Бурбонов и других династий той эпохи. И, потому, Наполеон не сомневался, что правители Испании и Португалии падут пред ним с такой же легкостью, с какой пали пред ним правители Австрии, Пруссии, Италии. Как увидим ниже, события полностью подтвердили такие ожидания французского императора.

Оставался, конечно, еще народ — широкие массы крестьян, ремесленников, лавочников, городской мелкой буржуазии, интеллигенции... Однако это ничуть не смущало Наполеона. Вопреки «наполеоновской легенде», широко распространенной в XIX в. и оказавшей немалое влияние на умы даже таких людей, как Байрон, Гейне, Пушкин, Лермонтов, Наполеон никогда не был революционером или хотя бы полуреволюционером. Пережитки феодализма в его сознании были очень сильны во всем, что касалось отношения к народным массам. Е. В. Тарле в своей известной работе «Наполеон» приводит немало фактов, свидетельствующих об этом. Так, например, 20 июня 1792 г., присутствуя в качестве наблюдателя при вторжении парижской толпы в Тюильрийский дворец и видя, как перепуганный Людовик XVI поклонился толпе из окна, Наполеон с презрением сказал бывшему с ним другу Бурьену: «Какой трус! Как можно было впустить этих каналий! Надо было смести пушками 500—600 человек — остальные разбежались бы!»

10 августа 1792 г., в день штурма Тюильри и низвержения Людовика XVI, Наполеон снова был на улице и при этом обозвал повстанцев «самой гнусной чернью»¹.

¹ Е. Тарле. Наполеон. М., 1942, стр. 18.

Наполеону было тогда 23 года. Чем старше он становился, тем глубже была его неприязнь и его презрение к массам. Когда в декабре 1797 г., после возвращения из Италии, восторженные массы приветствовали в Париже 28-летнего победителя, Наполеон презрительно заметил: «Народ с такой же поспешностью бежал бы вокруг меня, если бы меня вели на эшафот»².

А когда в 1800 г., будучи уже первым консулом, Наполеон вернулся в Париж после разгрома австрийцев под Маренго, и несметные толпы народа в течение целого дня восторженно вызывали его, стоя вокруг дворца, он не нашел нужным хотя бы выйти на балкон³.

По существу столь же глубоким было презрение Наполеона и к солдатам его армий. Они являлись для него просто пушечным мясом. Этому нисколько не противоречит всем известная забота Наполеона об удобствах и хорошем продовольствии войск, его фамильярность с гренадерами и гвардейцами, его усилия поддержать в войсках свою кличку «маленького капрала». Все это шло не от горячего демократического сердца, а от холодного, строго калькулирующего рассудка. «Пушечное мясо» тоже требует особого обращения с собой, иначе оно разложится и протухнет. Как великий полководец, Наполеон хорошо знал, какое тут необходимо обращение, и с большим искусством применял его. А «наполеоновская легенда» возвела эти чисто военные приемы, имевшие сугубо утилитарное значение, в перл создания, в продукт и проявление особой «революционности» французского императора.

Нет, Наполеон, реальный, исторический Наполеон не верил в народ, не любил его, не считал его достойным внимания. Для него народ — это «чернь», «каналы», «оборванцы», лишённые прав и неспособные играть активную роль на исторической сцене. Опыт его войн в Европе, прежде всего в Германии, как будто бы подтверждал такой взгляд на массы. Не ждал Наполеон ничего иного и на Пиренейском полуострове. С тем большей легкостью, сразу после Тильзита, он решил принять энергичные меры для закупоривания того единственного окна, которое еще оставалось в цепи континентальной блокады.

II

Что представляла собой Испания накануне нашествия Наполеона?

Это была централизованная феодально-абсолютистская монархия, с сильнейшим влиянием католической церкви и незначительными зародышами капиталистического развития.

Господствующим классом являлись крупные землевладельцы феодального типа. Около половины всей годной к обработке земли принадлежало им. Сверх того, 17% земли владела католическая церковь, эксплуатировавшая ее также на феодальных основаниях. В итоге две трети земли были в руках немногочисленной феодальной верхушки⁴. Крепостного права в собственном смысле уже не было, однако система майората и сохранившиеся от прошлого сеньориальные права помещиков, а также вопиющее малоземелье крестьян, владевших лишь третью всей земли, делал последние фактически полурабами грандов и других титулованных лиц⁵. По данным 1810 г. свыше 13 тыс. деревень (из 25 тыс.) и свыше 3 тыс. мел-

² Е. Тарле. Указ. соч., стр. 45.

³ Там же, стр. 84.

⁴ С. Е. Chapman. A history of Spain. New York, 1927, p. 464.

⁵ A. Ramos Oliveira. Politics, economics and men of modern Spain. 1808—1946. London, 1946, p. 21.

ких городов (из 4700) принадлежали «сеньорам», т. е. являлись игрушкой в руках крупного землевладения⁶. И «сеньоры», конечно, широко пользовались своими возможностями. Особенно излюбленным их способом было заключение с крестьянами краткосрочных — на 1—2—3 года — арендных договоров (около половины крестьянских семей арендовало помещицью землю) и систематическое повышение арендной платы при каждом возобновлении арендного контракта. Известный общественный деятель той эпохи Г. Ховельянос рассказывает, что, например, в районе Севильи таким путем на протяжении всего лишь одного десятилетия уровень арендной платы был повышен вдвое⁷.

Гнет светского феодализма на крестьянство дополнялся гнетом феодализма церковного. На рубеже XIX в. Испания имела 20 тыс. храмов (т. е. при общей численности населения в 10—11 млн., один храм в среднем на каждые 500 жителей) и 180 тыс. священников и монахов (т. е. один церковник на каждые 62 жителя)⁸. В 1804 г. суммарный доход церкви с ее недвижимости оценивался, при соответственном пересчете, в 125 млн. золотых рублей. Сверх того, церковь получала в порядке различных сборов и налогов («десятина», индульгенции, пожертвования на построение храмов, на поклонение святым, на крестовые походы — существовал и такой фантастический налог!) еще около 125 млн. золотых рублей. Всего, таким образом, в разных формах церковь выколачивала из испанского народа до 250 млн. золотых рублей в год, или в среднем 23 золотых рубля на душу населения — сумма по тем временам громадная⁹.

Легко себе представить, каким свинцовым грузом вся эта феодальная пирамида ложилась на плечи широких масс, прежде всего на плечи многомиллионного крестьянства.

Но не только деревня страдала от феодального гнета. Его мертвящие цепи сковывали также город. Цехи и гильдии — это наследие средневековья — связывали по рукам и ногам промышленность и торговлю. Дороги между населенными пунктами находились в первобытном состоянии. Банды разбойников кишели на путях сообщения. Внутренние налоги и пошлины — подчас самые нелепые — чрезвычайно отягчали развитие товарооборота и нередко делали цену товара запретительной. Взимали все, кто мог, — государство, провинции, города, отдельные феодалы. Взимали со всего, что являлось предметом массового потребления, — с зерна, с оливкового масла, с мяса, с мыла, со свечей, с бутылок и т. д. В результате на пути от производителя к потребителю цены товаров возрастали в 5—6 и более раз¹⁰.

Конечно, в таких условиях капиталистические отношения могли развиваться и действительно развивались крайне медленно. Попытки испанского просвещенного абсолютизма конца XVIII в. открыть более широкую дорогу буржуазному духу времени имели лишь частичный успех. Неудивительно, что Испания накануне 1808 г. экономически была еще очень отсталой страной. Вся промышленная продукция страны составляла не больше четверти ее общей продукции. О хозяйственной отсталости страны свидетельствовало также засилие иностранцев в ее экономике. Так, в Мадриде из 150 тыс. жителей 30 тыс., или 20%, а в Кадисе из 60 тыс.

⁶ Pi-y-Margal. Las grandes commociones politicas en España, p. 85.

⁷ G. Jovellanos. Informe de la sociedad economica de este carte la real y supremo consejo de Castilla en el expediente de ley agrario. Madrid, 1795, p. 40.

⁸ Don Manuel Godoy. Memoires du prince de la paix. Paris, 1836, p. 23.

⁹ П. В. Гидулянов. Доходы испанской церкви. «Воинствующий атеист» М., 1931, № 6, стр. 72—88.

¹⁰ G. Jovellanos. Op. cit., p. 131—135.

жителей 9 тыс., или свыше 15%, были выходцами из других стран, главным образом из Англии, Франции и Италии. Равным образом каботажная торговля Испании велась преимущественно с помощью английских, французских и голландских судов; испанский торговый флот занимал в ней второстепенное место.

Экономическая отсталость Испании имела своим последствием относительную слабость испанской буржуазии. Она ни в какой мере не могла равняться с буржуазией французской. Она не дала ни энциклопедистов, ни якобинцев. Ей не удалось одержать победу над феодализмом. Но все-таки в бурных событиях 1808—1814 гг., в ходе первой испанской революции, так тесно связанной с борьбой против наполеоновского нашествия испанская буржуазия сыграла видную роль.

Над описанным выше социально-экономическим фундаментом возвышалась политическая надстройка: централизованная феодально-абсолютистская монархия, сохранившая, однако, немало элементов от прошлого локального партикуляризма — местнического и национального.

Король Карл IV, царствовавший в 1788—1808 гг., был одним из тех королей, которые обычно лишь «украшают» троны, когда в стране пробил час революции. Высокий, дородный мужчина огромной физической силы, он был совершенно лишен ума и характера. Его любимым занятием были религиозные церемонии и охота. Он был хороший кучер, слесарь, часовщик, но мало понимал в государственных делах, да и не питал к ним большого интереса. Это был классический тип монарха, который немислим без камарильи. И действительно при Карле IV имелась камарилья и притом весьма властная и могущественная.

Главной камарильей являлась королева Мария-Луиза, бывшая принцесса Пармская. Женщина с авторитарным и ревнивым характером, она проводила жизнь в сумасбродных увеселениях и любовных интригах. Внешне тщедушная, беззубая, с неприятным цветом лица, она производила почти отталкивающее впечатление, но, конечно, не имела недостатка в фаворитах. При этом каждый фаворит на срок своего успеха становился всемогущим временщиком, ибо король не любил вмешиваться в государственные дела.

Вторым столпом камарильи был Мануэль Годой (1767—1851). Выходец из обедневшей дворянской семьи в Бадахосе (Эстремадура) он в 16 лет попал в королевскую гвардию. Несколько позднее нагло-красивая внешность и умение хорошо играть на гитаре проложили ему дорогу к сердцу королевы, и это обеспечило Годое 15 лет почти диктаторской власти.

Третьим столпом камарильи был наследный принц Фердинанд (1784—1833) — впоследствии король Фердинанд VII. Тупой, грубый, трусливый, на редкость лживый, жестокий и вероломный, он был одним из самых отвратительных представителей Бурбонской династии. Фердинанд мечтал о том, как бы поскорей сесть на престол, интриговал против отца, подготавливал его отречение и при этом смертельно ненавидел Годоя, в котором видел главное препятствие для осуществления своих планов. Так как Мария-Луиза, наоборот, вслестически стремилась к упрочению положения своего любовника, то между матерью и сыном возникла острая вражда, которой, как увидим ниже, весьма ловко воспользовался Наполеон.

Разумеется, внутренняя и внешняя политика Испании в описываемый период проводилась в интересах короля и его окружения. Все реформаторские попытки просвещенного абсолютизма были аннулированы, а люди, проводившие их (Кампоманес, Ховельянос, Флоридабланко и др.) разогнаны и подвергнуты репрессиям. Страх перед французской революцией

1789 г. отбросил господствующий класс Испании в объятия самой черной реакции. Влияние католической церкви сильно возросло. При дворе шла сплошная вакханалия безумного мотовства, разврата, коррупции, интриг и подхалимства. Высшие командные должности в гражданской и военной бюрократии превратились в бешено оплачиваемые sineкуры для представителей аристократии. Вот один пример из многих: в 1807 г. испанский военный флот насчитывал не больше 15—20 годных кораблей, и однако во флоте в это время имелись: один гроссадмирал, 2 адмирала, 29 вице-адмиралов, 63 контр-адмирала, 80 капитанов линейных кораблей и 131 капитан фрегатов. При таких условиях неудивительно, что государственные финансы Испании находились в полном расстройстве, и что бюджетный дефицит с каждым годом все больше увеличивался. В 1801—1802 гг. он оказался вдвое больше поступлений (600 млн. реалов поступлений и 1800 млн. реалов расходов).

Конечно, такой режим не мог не вызывать оппозиции со стороны буржуазии и даже известных кругов помещиков и бюрократов. Однако для политического уровня тогдашней Испании весьма характерно, что эта оппозиция направлялась не против института абсолютной монархии, даже не против личности короля и королевы — все это считалось священным и неприкосновенным, — а против временщика Годоя. Годой должен был за все отвечать! Испанские аристократы, таким образом, оказывались политически более отсталыми, чем их русские коллеги, которые как раз около того же времени (в марте 1801 г.) обрушили свое недовольство Павлом I на самого Павла I, а не на его премьер-министра.

Но даже борьба против Годоя оказалась не по плечу испанской знати. Годой всегда выходил сухим из воды и, поддерживаемый королевой, сохранял в своих руках власть неограниченного диктатора.

III

В высшей степени сложно в эти годы было внешнеполитическое положение Испании.

XVIII век прошел для нее под знаком борьбы с Англией, где буржуазия стала уже очень крупной силой и со своей обычной хитростью старалась захватить то, что плохо лежало. Богатая, но быстро слабеющая Испанская империя являлась для британской буржуазии лакомой приманкой. И она не без успеха наступала на мировые позиции Испании: в 1703 г. аннексировала Гибралтар, создала военно-морской флот сильнее испанского, развернула широкую контрабандную торговлю с испанскими колониями в Америке (монополию на торговлю с колониями имели испанские купцы) и, наконец, всячески поощряла отпадение этих колоний от метрополии и превращение их в самостоятельные государства. В процессе борьбы с Англией произошло естественное сближение между Испанией и Францией, увенчанное в 1761 г. так называемым «семейным договором», согласно которому между всеми бурбонскими династиями (во Франции, в Испании и в Италии) заключался оборонительный и наступательный союз. Этот договор приковывал Испанию к Франции и по существу превратил Испанию в орудие французской политики. Но все-таки он давал Испании ощущение безопасности на международной арене и сделался основой всей внешнеполитической линии страны.

Французская революция 1789 г. поставила Мадрид в чрезвычайно трудное положение. С одной стороны, внешнеполитические интересы толкали его к сотрудничеству с Францией; с другой стороны, ненависть к револю-

ции отталкивала его от Франции и сближала с противниками Франции, в частности с Англией. Некоторое время Испания пробовала проводить политику «нейтралитета», однако, когда весной 1793 г. монархическая Европа создала первую коалицию против революционной Франции, Испания приняла в ней участие. Жестоко разгромленная французскими войсками, Испания в 1795 г. подписала в Базеле мирный договор с Францией, по которому уступила Франции испанские владения на острове Сан-Доминго. В августе 1796 г. Франция принудила Испанию подписать кабальный договор в Сан-Ильдефонсо об оборонительном и наступательном союзе между обеими державами, причем Испания не имела даже права требовать у Франции объяснения причин начинаемой ею войны. Столь позорного соглашения у Испании еще никогда не было. В октябре 1800 г. Испания должна была «уступить» Франции богатейшую американскую колонию Луизиану. В январе 1801 г. между Мадридом и Парижем был заключен новый договор, ставивший испанский военно-морской флот на службу Франции. Эта тесная связь с Францией вовлекла Испанию в войны, которые Наполеон вел против Англии. Последствия их для Испании были катастрофичны: в уже упоминавшейся битве у Трафальгара Испания потеряла весь свой флот. Это чрезвычайно остро поставило вопрос об ее колониальных владениях в Америке, где давно уже развернулось сильное сепаратистское движение, раздуваемое Англией. Став безоружной на море, Испания лишилась возможности поддерживать регулярные экономические, политические и военные связи с своими заокеанскими колониями.

В этой все более сгушающейся атмосфере Годой возложил все свои упования на Наполеона. Он мало думал о судьбах Испании, но зато очень интересовался собственной карьерой. С конца 1806 г. Годой стал носиться с мечтой стать королем Португалии, и Наполеон до поры, до времени считал нужным не разочаровывать испанского диктатора в его надеждах.

Тем временем в Европе произошли крупные события: Пруссия была разгромлена, и в июле 1807 г. в Тильзите заключен франко-русский союз. Теперь Наполеон решил, что настал момент для «урегулирования» положения на Пиренейском полуострове. Уверенный в том, что ему придется иметь здесь дело лишь с феодальной верхушкой, в частности с королевскими династиями, французский император приступил к быстрым и решительным действиям.

27 октября 1807 г., при содействии Талейрана, в Фонтенбло был подписан тайный договор между Францией и Испанией о разделе Португалии: большая и лучшая часть Португалии (около 2 млн. жителей) отходила к Франции, а для Годоя выделялась под опереточным именем Альгабрии маленькая территория с 400 тыс. жителей.

Далее, Наполеон решил ликвидировать испанских Бурбонов и отдать испанскую корону своему старшему брату Жозефу Бонапарту. Одно случайное обстоятельство, которым очень ловко воспользовался Наполеон, облегчило ему осуществление поставленной задачи.

Осенью 1807 г. Мария-Луиза, стремясь упрочить положение Годоя, убедила Карла IV подписать завещание, по которому наследник Фердинанд мог занять престол лишь в возрасте 30 лет, т. е. не раньше 1814 г. Тем самым Годой гарантировался в случае смерти короля еще несколько лет власти. Узнав об интриге матери, Фердинанд пришел в бешенство. В качестве контрхода он вступил в секретную переписку с Наполеоном и просил его согласия на свой брак с принцессой из рода Бонапартов. Шаг, предпринятый Фердинандом, стал известен Годой. Почувствовав опасность, он добился от Карла IV приказа об аресте наследника. Перепуган-

ный Фердинанд «покаялся», выдал всех своих сообщников и «целуя ноги» своих родителей, молил о прощении. Прощение Фердинанду было, в конце концов, дано, но вся эта история, очень быстро ставшая достоянием гласности, нанесла сильнейший удар и без того расшатанному престижу Бурбонской династии.

Сразу после подписания договора в Фонтенбло маршал Жюно во главе 25-тысячной армии выступил против Португалии и, пройдя через северные провинции Испании, в конце ноября 1807 г. занял Лиссабон. За два дня до этого португальский король со всем своим семейством бежал на английском корабле в Бразилию. Декретом Наполеона от 1 февраля 1808 г. было объявлено о низложении Браганцской династии. Затем французы создали новое португальское правительство и стали управлять Португалией как своей провинцией.

Казалось, португальские дела были полностью «урегулированы» в желательном для Наполеона смысле, и Англии нанесен здесь серьезный удар. Казалось, Наполеону теперь следовало эвакуировать с Пиренейского полуострова большую часть своих войск. Вместо этого, однако, он стал концентрировать в северной Испании крупные силы, занимая здесь один за другим стратегически важные пункты. В марте 1808 г. численность французских войск в Испании увеличилась до 80—100 тыс. и под командой Мюрата началось наступление в мадридском направлении. Перепуганный Карл IV молил Наполеона об объяснении его действий, но последний уклонялся от прямого ответа. Наконец, Мюрат остановился неподалеку от столицы, и зловещие слухи о его намерениях поползли по стране.

Двор, находившийся в этот момент в Аранхуэсе, был в панике. Годой предложил королевской чете бежать в Америку, — она согласилась. Слухи о готовящемся событии просочились в массы и вызвали среди них большие волнения. 17 марта огромная толпа разгромила дворец Годоя. Сам Годой пролежал 36 часов без пищи и питья под кучей рогож. В конце концов, он все-таки попал в руки толпы, которая хотела с ним покончить. Гвардейцы с трудом отбили его и заключили в тюрьму. Под влиянием Марии-Луизы, желавшей во что бы то ни стало спасти своего любовника, Карл IV решил прибегнуть к крайнему средству: 19 марта он отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда. Это решение короля спасло жизнь Годою, а затем Наполеон спешно вытребовал последнего во Францию.

Одновременно с опубликованием декрета об отречении, Карл IV с истинно бурбонским вероломством отправил Мюрату слезницу с просьбой о помощи. Мюрат не остался глух к королевскому призыву. 20 марта он вступил в Мадрид, а 21 мая Карл IV, по согласованию с Мюратом, взял свое отречение назад. Этот акт старого короля имел последствием новый взрыв вражды между отцом и сыном и сверх того крайне запутал внутреннее положение в Испании: теперь становилось уже совершенно непонятным, кто же является законным королем — Карл или Фердинанд?

Наполеон решил, что момент созрел для окончательной ликвидации испанских Бурбонов, и со свойственными ему хитростью и энергией разыграл при этом беспримерный политический фарс.

Прежде всего он пригласил Фердинанда приехать в Байонну (французский город на испанской границе) для переговоров о том, кому же сидеть на испанском престоле. Общественные круги Испании бурно протестовали против отъезда наследника, однако Фердинанд поспешил явиться на поклон французскому императору. Далее Годой, по предложению Наполеона, обратился с дружеским письмом к Карлу IV, в котором, указывая на прибытие Фердинанда в Байонну, приглашал королевскую чету

прибыть туда же в целях противодействия интригам наследника. Это письмо возымело немедленное действие, и через короткое время Карл IV и Мария-Луиза тоже оказались в Байонне. Чтобы еще более разжечь вражду между отцом и сыном, Наполеон встретил Фердинанда, как простого путешественника, а Карлу IV устроил на границе торжественный прием. Затем Наполеон предложил королю вызвать из Мадрида в Байонну еще оставшихся там членов его семьи, что Карлом IV и было беспрекословно исполнено.

Однако при осуществлении этого последнего шага возникло крупное осложнение, которого не ожидали ни Наполеон, ни Бурбоны. Оно было вызвано первым серьезным вмешательством народа в ход событий, явившимся предвестником той великой исторической бури, которая надвигалась на страну. 2 мая 1808 г., когда весть о предстоящем отъезде членов королевской семьи в Байонну распространилась в массах, в Мадриде вспыхнуло восстание. В течение целого дня тысячи простых людей — ремесленников, рабочих, лавочников, интеллигентов и т. п. — без оружия, без организации, без надлежащего руководства героически сражались против 25-тысячной армии Мюрата. Силы были слишком неравны, и французскому главнокомандующему удалось утопить народное восстание в крови. При этом погибло свыше тысячи испанцев. А два дня спустя все члены Бурбонской семьи под надежной охраной были отправлены в Байонну.

Теперь, когда вся Бурбонская династия оказалась за пределами Испании, Наполеон уже без труда дописал заключительную сцену из ловко разыгранного им фарса. Карлу IV было приказано — и он беспрекословно повиновался — «уступить» свою корону Бонапарту. В награду он получил от Наполеона замок в Компьене и содержание в сумме 30 млн. реалов в год. Здесь бывший король имел полную возможность заниматься своей любимой охотой и продолжать свой «*manage en trois*» с Марией-Луизой и Годоем. Фердинанд же с младшими братьями был отправлен в замок Талейрана в Валансе, где он тоже мог предаваться излюбленным удовольствиям. С неподражаемым презрением к своим «гостям», Наполеон давал следующую инструкцию Талейрану: «Я желаю, чтобы было сделано все для забавы этих принцев. Если у вас есть театр и вы пригласите несколько комедиантов, то это будет не лишнее. Вы можете также привезти туда госпожу Талейран да еще 4—5 дам. Если бы принц Астурийский (т. е. Фердинанд) привязался к какой-нибудь хорошенькой девчонке, это было бы недурно, в особенности если на нее можно положиться. Для меня чрезвычайно важно, чтобы он не наделал глупостей. Поэтому я желаю, чтобы его занимали и забавляли»¹¹.

Очистив испанский трон от Бурбонов, Наполеон назначил испанским королем своего брата Жозефа Бонапарта, до того состоявшего неаполитанским королем. Жозеф прибыл в Байонну и стал готовиться к своей новой роли. В середине июня в Байонне также собрались по приглашению Наполеона представители испанской знати — светской и духовной. В этот час великого исторического испытания господствующий класс Испании обнаружил всю свою внутреннюю гнилость. Он не только не стал во главе народа для отпора иностранному завоевателю, но наоборот раболепно пал на колени пред французским императором. Так, например, глава испанских грандов герцог Инфантадо, обращаясь к Жозефу, восклицал: «Государь, гранды Испании всегда славилась верностью своему королю: также

¹¹ А. Трачевский. Испания девятнадцатого века. М., 1872, стр. 116.

и теперь ваше величество найдет в них прежние верность и привязанность».

Другие уверяли брата Наполеона, что он является «главным отпрыском фамилии, самым небом предназначенной к господству». В том же духе были выдержаны и прочие приветствия¹².

Затем собрание грандов признало Жозефа Бонапарта испанским королем и 7 июля 1808 г. торжественно присягнуло пожалованной им конституции, одной из тех консервативно-буржуазных конституций, которыми Наполеон в последний период своего господства слегка маскировал свою диктатуру в подвластных ему странах.

9 июля Жозеф покинул Байонну и 20 июля в сопровождении войск и блестящей свиты вступил в Мадрид. И Наполеон, и Жозеф, и гранды думали, что дело сделано, и что отныне Испания станет покорным вассалом Франции, какими уже стали многие другие европейские государства. Но они составляли счет без хозяина: испанский народ решил совсем иначе.

IV

Ситуация, сложившаяся в Испании в результате пленения Бурбонской династии, потенциально носила весьма революционный характер. «Благодаря Наполеону, — писал К. Маркс, — страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Были разбиты оковы, которые мешали испанскому народу проявить свою врожденную энергию»¹³. Действительно, старая центральная власть исчезла, новая еще не успела укрепиться, да и вообще, нося чужеземный костюм, имела мало шансов для этого. Вместе с тем иностранное нашествие воспламенило дух испанского народа и мобилизовало все его силы и способности на борьбу. Одновременно ходом вещей в порядок дня были поставлены важнейшие проблемы внутреннего характера: ликвидация феодализма, улучшение положения крестьянства, введение если не республиканского, то, по крайней мере, конституционно-монархического образа правления. Глубокий патриотический порыв подавляющего большинства нации, порыв, отсутствовавший у ее господствующего класса, тесно переплетался с реформаторским энтузиазмом более передовых слоев населения, опиравшихся главным образом на приморские города, и создавал, казалось, — особенно в первый период борьбы — обстановку, в которой Испания могла иметь свой 1789 г.

Однако, как известно, еще недостаточно иметь революционную ситуацию, — надо иметь также революционные силы, которые могли бы ее использовать. Таких сил — достаточно мощных, сознательных и организованных — в тогдашней Испании не нашлось. Здесь сказывалась ее социально-экономическая и политическая отсталость, о которой речь шла выше. В результате в Испании не произошло победоносной буржуазной революции: героическая борьба испанского народа в 1808—1814 гг. привела к сохранению независимости страны, но не обеспечила коренной ликвидации мертвящих оков феодализма.

Конкретные факты эпохи полностью подтверждают это общее положение.

2 мая 1808 г., в тот самый день, когда войска Мюрата на улицах Мадрида расстреливали поднявшихся испанских патриотов, алькальд (старшина) маленькой деревни Мостолеса, расположенной в нескольких километрах от столицы, разослал по всем направлениям гонцов со следующим кратким, но красноречивым воззванием: «Мадрид в настоящую минуту

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 725.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 725.

является жертвой французского вероломства. Отечество в опасности. Испанцы! Восстанем для его спасения!»¹⁴.

Этот пламенный призыв, вышедший из под пера простого человека, прекрасно выражал мысли и чувства каждого подлинного испанца. В то время как представители господствующего класса заняли трусливо-предательскую позицию, широкие массы крестьян, рабочих, ремесленников, торговцев, интеллигентов в критический для страны час сумели подняться до высоких ступеней патриотизма и вписать в ее историю блестящую страницу, которой по справедливости гордится испанский народ.

События в Мадриде сыграли роль фитиля, приложенного к бочке с порохом.

Началось с далекой Астурии. В первых числах мая здесь, в Овиедо, создалась местная «хунта», т. е. местный революционный комитет, низложивший все старые власти. 24 мая под звон колоколов народ захватил арсенал и вооружился, а 25 мая «хунта» объявила войну Наполеону, приступила к формированию войска и призвала все другие города и провинции последовать ее примеру.

Чрезвычайно бурные события разыгрались также в Сарагоссе. Здесь сразу после 2 мая была образована местная «хунта», которая немедленно приступила к организации вооруженных сил. Французы дважды пытались занять Сарагоссу, но были отбиты с большими потерями. В течение семи месяцев население города, вдохновляемое своим вождем Кальво де Росас, оказывало героическое сопротивление врагу. Только в декабре 1808 г., когда Наполеон взял в собственные руки руководство операциями в Испании (о чем подробнее ниже), Сарагосса после двухмесячной осады была, наконец, взята штурмом. Бои носили столь ожесточенный характер, что погибло около половины населения города.

Астурия и Сарагосса не были исключениями. То же самое происходило повсюду. В течение весны и лета 1808 г. вся Испания покрылась сотнями местных «хунт», ставших организующими центрами народного сопротивления врагу. Валенсия, Кордова, Севилья, Кадис, Корунья, Вальядолид и многие другие города открыто бросили вызов иноземному завоевателю. Везде простые испанские люди клялись в верности делу независимости и приступали к созданию вооруженных сил. Так как король и центральное правительство исчезли, то «хунты» фактически превратились в революционные органы власти на местах, низложили всех старых губернаторов, судей, военачальников и др., и сами стали решать экономические, политические, военные и всякие иные вопросы. Один из виднейших сановников Наполеона в Испании аббат Д. Прадт в своих мемуарах дает следующее описание тогдашнего положения дел: «Испания представляла собой зрелище, подобное тому, которое наблюдалось во Франции в 1793 г., когда все помнили только об одном: отечество в опасности... Восстания были бесчисленны». «Началась,— сокрушается аббат,— волна ужасных покушений против всех тех, кого капризная толпа считала сторонниками французов или людьми, прохладно относящимися к защите родины»¹⁵.

Однако это мощное народное движение сопротивления имело и свои серьезные недостатки. Состав «хунт» далеко не всегда был достаточно демократичен, в них благодаря темноте и вековому бесправию масс попало немало помещиков, духовенства и других представителей господству-

¹⁴ А. Каррель. Испания и ее революция. СПб., 1866, стр. 16. Автор — известный французский писатель, карбонарий и непосредственный участник испанских событий.

¹⁵ D. Pradt. Memoires historiques sur la revolution d'Espagne. Paris, 1816, p. 187—190.

ющего класса. Далее, в силу застарелого партикуляризма, между различными «хунтами» было мало единства. Каждая стремилась вести свою собственную войну против французов. «Хунта» Севильи, ставшей в силу оккупации Мадрида французами временной столицей Испании, претендовала на руководящую роль. Она приняла наименование «Верховной правительственной хунты Испании и Индий», но прочие «хунты» признавали права «Севильской хунты» лишь очень условно. Тем не менее «хунта» Севильи 6 июня 1808 г. опубликовала манифест, в котором от имени всей Испании объявляла войну Наполеону. Мы обнаружили экземпляр этого замечательного документа в архивах царского министерства иностранных дел и будет небезынтересно процитировать из него несколько наиболее характерных мест.

Во вступительной части манифеста подробно перечисляются все преступления Наполеона в отношении Испании, после чего говорится: «Посему именем короля нашего Фердинанда VII и всего народа испанского объявляем войну на суше и на море императору Наполеону I и Франции, пока она будет под его владычеством и тиранским игом, и повелеваем всем испанцам действовать против них неприятельски и делать им всевозможный вред по воинским законам и наложить эмбарго на все французские суда, стоящие в наших портах, и на все собственности, имущества и права сему правительству или кому-либо из сего народа принадлежащие...»

Вместе с тем в манифесте подчеркивается, что не должно чинить «никакого затруднения или притеснения английскому народу, ни его правительству», с которыми заключено перемирие и «надеемся, что будет заключен прочный и твердый мир».

Заканчивается манифест следующими словами: «Объявляем, что не оставим оружия, пока император Наполеон I не возвратит Испании нашего короля и государя Фердинанда VII и прочих королевских особ и не почтит священных прав народа, им нарушенных, и его свободы, целостности и независимости».

Под манифестом стоят две подписи — Иоана Баптиста Пардо и Эмануила Мариа Агилара¹⁶.

Этот манифест очень характерен. В нем одновременно находят свое выражение и сила и слабость народного движения тех дней. Его сила была в горячем энтузиазме и твердой решимости масс бороться до конца за свободу и независимость родины. Его слабость заключалась в том, что символом этих свободы и независимости для масс являлся монарх, да при том еще столь гнусная личность, как Фердинанд VII.

Одновременно «Севильская хунта» вступила в сношения с иностранными державами. В том же архиве царского МИД сохранилось очень интересное «Обращение» этой хунты к Александру I от 27 июля 1808 г. Приведем из него также несколько наиболее интересных мест.

«Император французов Наполеон I, — говорится в «Обращении», — по введению своих войск в Испанию обманом, чтобы... похитить у нас и увезти во Францию с ужасным вероломством нашего короля, государя Фер-

¹⁶ Архив внешней политики России. МИД (АВПР), канц., № 7513, папка: Madrid, Gr. Stroganoff, 1808, № 7—76. В те годы внутренняя переписка в царском министерстве иностранных дел, как правило, велась на французском языке (русский язык заменил французский только в 80-х годах прошлого века). В дальнейшем все документы, написанные в оригинале по-французски, автор дает в собственном переводе. Однако дипломатические представители России в Испании нередко присылали в Петербург документы, в оригинале написанные по-испански. К ним они прикладывали русские переводы. Эти переводы мы использовали, как в данном случае, везде, где нам приходится цитировать соответствующие материалы.

динанда VII, и всю королевскую фамилию... чтобы похитить владычество над Испанией... и для произведения сего владычества избрать королем испанским своего брата Иосифа Наполеона, заставил нас... поднять против него оружие... Андалузцы особенно отличились в сей великодушной борьбе и имеют уже 40 тыс. старого войска и бесчисленное множество набранных крестьян».

Далее приводятся сведения о различных военных событиях предшествующих двух месяцев и сообщается, что «хунта» избрала «чиновника Вашего Императорского Величества дона Иоанна Бичилли» в качестве лица, которое может «известить Вас с точностью о истине сих деяний». Конец «Обращения» гласит:

«Чувства Вашего Императорского Величества толико известны в пользу человечества и прав народов, что не сомневаемся ни на мгновение, чтобы не защитили Испанию и не удостоили содействием оной всеми средствами, кои великое Ваше благоразумие может Вам внушить».

Под «Обращением» 20 подписей членов «Севильской хунты», из которых можно разобрать следующие двенадцать: Fran Saavedra, Fran^{co} Diaz Bermudo, Manuel C. M., Caledonio Alonso, Firenze Hoxe, José de Checa, Ant. Zambrana, Juan Sec. de Aguirre, José Monales, Andres de Coea, Andres Miñano, Joseph Humiao.

Сбоку большая круглая красная печать с гербом и короной, вокруг нее надпись:

«Fernando VII y en sa R' nombre la Suprema Junta de Gobierno de España e Indias establecida en Sevilla» (Фердинанд VII и его королевским именем Верховная Правительственная Хунта Испания и Индий, учрежденная в Севилье).

Внутри печати слова: «Religion, Patria, y Rey» (Религия, Отечество и Король).

При «Обращении» имеется сопроводительное письмо, адресованное тому самому «чиновнику... дону Иоанну Бичилли», который должен был доставить документ Александру I. Оно интересно тем, что в нем «Севильская хунта», отложив в сторону высокопарные слова о мнимом благородстве российского самодержца, делает попытку апеллировать к чисто государственным интересам России.

«Верхное Собрание Правления, — говорится в этом письме, — будучи убеждено, что праведное наше дело есть дело всех Европейских народов, и что увеличение императора французов Наполеона I на треть сея земли (к тому моменту французами была оккупирована треть территории Испании — *И. М.*) может служить единственно к разрушению, при пособиях сея державы, всего политического равновесия, по которой причине Российский император должен иметь величайшую пользу в сохранении нашей независимости»¹⁷.

Разумеется, «Обращение» «Севильской хунты» не имело, да и не могло иметь никаких практических результатов: Александр I был связан тильзитскими соглашениями с Наполеоном и до поры, до времени считал необходимым их соблюдать. Однако интерес к испанским событиям, особенно к их военной стороне, у него был очень большой, о чем свидетельствует тот факт, что российский послом в Мадрид был назначен генерал-майор князь Репнин, т. е. человек, который мог хорошо разбираться как раз во всем, что касалось дел на фронте. В специальных инструкциях, написанных Александром I для Репнина на французском языке и помеченных

¹⁷ АВГР, канц. № 3269, папка : «Espagne, La Junta Supreme, 1808, № 18, 19.

27 мая 1810 г., между прочим, говорится: «Изложив картину моих политических отношений, я хочу особо повторить, что у меня нет связей более интимных и более полезных для блага моей империи, чем те, которые сложились у меня с императором Наполеоном. Эти связи, столь прочно установленные между нами, должны служить ориентиром во всем вашем поведении и являться в глазах короля Испании (имеется в виду Жозеф Бонапарт — И. М.), при котором вы аккредитованы, верной гарантией моего благорасположения к нему. Вы должны обращать на это его внимание при каждом подходящем случае. Я полагаю, что в настоящее время, когда семья Бурбонов, занимавшая испанский трон, так разрознена и сверх того задерживается во владениях иностранного монарха,— я полагаю, что испанская монархия не может вернуться к процветанию иначе как оказывая покорность своему нынешнему королю»¹⁸.

И одновременно с этим проявлением внешней лояльности к союзу с Наполеоном Александр I в тех же инструкциях предписывает Репнину охотно соглашаться на всякое предложение Жозефа Бонапарта сопровождать его на фронт и посылать министерству иностранных дел доклады обо всем, что он там увидит, но только «вполне надежным путем». Совершенно очевидно, что, несмотря на тильзитские соглашения, Александр I все время думал о возобновлении войны с французским императором.

Но если народное движение в Испании не нашло в первые годы поддержки со стороны императорской России, то совсем иначе было с Англией. Уже летом 1808 г. «Севильская хунта», а также провинциальные «хунты» Астурии и Галисии направили в Лондон своих уполномоченных и вступили в переговоры с британским правительством. Их встретили в Англии с большим энтузиазмом, и тогдашний министр иностранных дел Каннинг уверял испанских делегатов в своем полном сочувствии. В театрах и на улицах им устраивались овации. Это объяснялось с одной стороны, тем, что народные массы Англии сочувствовали народной революции в Испании, а, с другой стороны, тем, что лидеры английской буржуазии, находясь в то время в изоляции на международной арене, были рады всякому союзнику на континенте Европы, в особенности каждой возможности получить там плацдарм для развертывания военных действий против Наполеона. Неудивительно поэтому, что британское правительство не ограничилось только хорошими словами, но и подкрепило их конкретными делами. В Астурию и Галисию было послано оружие, что местные «хунты» горячо приветствовали. В дополнение туда же были отправлены английские войска под командой Артура Уэллслея (впоследствии герцога Веллингтона), что местным «хунтам» понравилось уже гораздо меньше: испанцы слишком хорошо помнили историю Гибралтара. Поэтому, испанские «хунты» были чрезвычайно рады (и этому они всячески содействовали), когда Уэллслей ушел в Португалию, где в августе 1808 г. вытеснил маршала Жюно из Лиссабона.

V

Между тем война в Испании разгоралась.

14—20 июля 1808 г., как раз в тот момент, когда Жозеф Бонапарт находился в пути между Байонной и Мадридом, в Андалузии разыгралась битва под Байленом: один из лучших французских командиров генерал Дюпон был окружен испанскими войсками и партизанами и взят в плен со всем своим корпусом, насчитывавшим 17 тыс. человек. Это поражение

¹⁸ АВПР, канц., № 7520, папка: Madrid, 1810, № 1—5.

французов произвело огромное впечатление в Испании и дало мощный толчок подъему народной борьбы против иноземных завоевателей. Это событие привлекло к себе внимание и всей Европы.

Положение французов сразу ухудшилось. 20 июля, как мы знаем, Жозеф Бонапарт вступил в Мадрид. Улицы столицы были пусты, окна и двери заколочены. Многие дома вместо приветственных флагов вывесили грязные тряпки; многие колокола, в которые били по приказу французов, вместо праздничного исполняли погребальный звон. Население массами уходило из Мадрида. Жозеф и его советники были испуганы и не знали, что делать. Между тем со всех сторон приходили тревожные вести: испанский народ поднялся с оружием в руках, вражда и ненависть к чужеземным захватчикам возрастали с каждым днем, принимая подчас чрезвычайно свирепые формы: французских офицеров и солдат ловили, убивали, распинали на крестах, сжигали на кострах, зарывали живыми в землю. Сравнительно небольшие в этот период французские армии не в состоянии были справиться с положением. Нервы Жозефа, в конце концов, не выдержали и 31 июля, через десять дней после своего вступления в Мадрид, он эвакуировал столицу и вместе со всей свитой и войсками ушел на север за линию р. Эбро. Наполеон был взбешен и с презрением писал брату: «Моими войсками, кажется, командуют не опытные генералы, а почтмейстеры».

Французский император, который все испанские затруднения склонен был приписывать ошибкам своих военачальников, решил сам привести Испанию к покорности. 5 ноября 1808 г. во главе армии в 250 тыс. человек, пополненной ветеранами Аустерлица и Иены, Наполеон появился за Пиренеями. Испанские регулярные войска, численность которых к этому времени возросла до 100 тыс., ни по своему опыту, ни по своему вооружению, ни тем более по своему командному составу не могли идти ни в какое сравнение с противником. Поэтому неудивительно, что в течение 72 дней Наполеону удалось не только разгромить испанские силы (10 ноября при Эспиносе и 23 ноября при Туделе), не только 4 декабря вновь занять Мадрид и объявить здесь ряд крупных реформ (отмену сеньюральных прав феодалов, уничтожение инквизиции, закрытие монастырей и т. д.), но и оккупировать большую часть испанской территории. Теперь Наполеон решил, что все основное в Испании сделано и что окончательное «замирение» страны может быть доверено его маршалам, во главе которых стал маршал Сульг. 17 января 1809 г. Наполеон выехал в Париж, а 22 января в Мадрид вторично вступил Жозеф Бонапарт, рассчитывая, наконец, прочно утвердиться на испанском престоле. Чтобы легче достигнуть этой цели, новый король положил в основу своего управления Байоннскую конституцию и те реформы, которые были объявлены Наполеоном.

Казалось, война в Испании была кончена, а на самом деле она только начиналась. Ибо, как писал К. Маркс, «Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, роковым образом должен был с изумлением убедиться, что, если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления»¹⁹.

В самом деле, Наполеон, как мы только что видели, в конце 1808 г. разбил испанские регулярные силы; его маршалы в дальнейшем также не раз наносили им поражения. В борьбе с англичанами, в 1808—1813 гг. оперировавшими на Пиренейском полуострове под командой Веллингтона,

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X стр. 722

французы тоже не могли пожаловаться на отсутствие счастья: хотя военные действия тут шли с переменным успехом, но общий баланс склонялся скорее в пользу французов, а не англичан. Территория французской оккупации, конечно, не раз меняла свои очертания, но все-таки постепенно расширялась, пока не охватила почти всей страны. Подавляющее большинство крупных городов, в том числе Мадрид, Барселона, Валенсия, Севилья, Кордова и др., в конце концов попало в руки французов. Долгое время только один Кадис оставался свободным, да и он находился под обстрелом французских пушек. Короче говоря, все внешние признаки победы как будто бы были налицо, а между тем победы не было. Это было для Наполеона до такой степени странно и необычно, что под конец он не мог без отвращения думать или говорить об испанских делах. Он старался забыть о вечно кровоточащей ране на юго-западе Европы, истощающей силы и ресурсы его огромной империи. Хорошее представление о настроениях Наполеона даёт письмо посла Жозефа Бонапарта в Париже Асанса от 19 июня 1810 г., перехваченное испанскими партизанами и затем напечатанное в «Gazeta Extraordinaria de Regencia», Del Demingo, 5 de Agosto de 1810, № 51. В нем Асанса сообщает в Мадрид, что был вызван к министру иностранных дел Наполеона герцогу Кадорскому (Шампэйн), который устроил послу бурную сцену.

«Министр сказал мне,— продолжает Асанса,— что его императорское величество не может более посылать денег в Испанию, и нужно, чтобы сие королевство принимало меры относительно содержания войск и издержек на оные, что довольно и того, что на покорение Испании употреблено 400 тыс. французов, что Франция истощила свое казначейство, переслав туда с начала войны более 200 миллионов ливров»²⁰.

В заключение Асанса сообщает подробные указания герцога Кадорского, как и где в Испании можно получить деньги. Главным средством для этого должны явиться контрибуции, налагаемые на города. «Его императорское величество,— передает герцог,— пребывает в мнении, что одни севильские дани могли бы простираться до 40 миллионов». Это было вполне в духе Наполеона, который считал, что война должна сама себя кормить. Но как показательны приведенные герцогом Кадорским цифры! 400 тыс. человеческих жертв и 200 млн. ливров расходов! И все это лишь на протяжении двух лет испанской войны. Было от чего задуматься даже Наполеону.

Почему все это происходило?

Да просто потому, что борьба регулярных испанских войск (вкуче с борьбой англичан) составляла только часть — и при том не самую важную часть — борьбы испанского народа за свою свободу и независимость. Ибо главное было в той подлинно народной войне, которую называли движением «герильерос», т. е. партизанской войной. Это движение стало стихийно возникать сразу после мадридской резни 2 мая 1808 г., но особенно широко развернулось с конца того же года. Впитав в себя элементы регулярной армии и постоянно пополняясь выходцами из демократических кругов населения, оно затопило всю страну, превратив ее в одно гигантское осиное гнездо, где тысячи неуловимых жал со всех сторон вонзались в каждого французского солдата. Характер этого движения станет яснее, если мы приведем здесь небольшую выдержку из перечисления партизанских отрядов, сделанного историком-очевидцем событий: в начале 1809 г. в провинции Ла Манча действовал отряд «герильерос» под командой

²⁰ АВПР, канц., № 7522, папка: Madrid, 1810, № 26, Journaux.

нотариуса дона Исидора Мира; в деревне Пенья де Сан Педро был сформирован отряд «герильерос» под командой отставного капитана милиции дона Педро Антонио Ламота; в Ануде был создан отряд «герильерос» из таможенной охраны Сиудад Реалья под командой ее начальника дона Алессандро Фернандес; в местечке Вилльобиадо близ Бургоса был организован отряд «герильерос» под командой священника дона Херонимо Мерина; в провинции Алава возник отряд «герильерос» под командой кузнеца Лонго; в Ла Риоха образовался отряд «герильерос», именовавшийся «крестоносцы Риоха» — его членами были священники и монахи; в горах Кантабрии оперировал отряд «герильерос» под командой «маркезита» (маленького маркиза) Порлье; в горах Гвадалахары развивал энергичную деятельность отряда «герильерос» под командой Эмпесинадо и т. д.²¹

Из среды «герильерос» быстро выдвинулись талантливые вожди, имена которых гремели в целых провинциях, а иногда и по всей Испании. Таковы были, например, Мина, Вильякампо, Порлье, Ласи, Эмпесинадо, Эрольес и др., — частью выходцы из народа, частью офицеры регулярной армии, примкнувшие к партизанам. Некоторые отряды «герильерос» благодаря смелости, ловкости, неуловимости приобретали почти легендарную славу. Из-за действий «герильерос» Жозеф Бонапарт был не в состоянии даже поддерживать регулярную связь с Парижем. В архивах царского министерства иностранных дел мы нашли несколько документов, прекрасное иллюстрирующие тогдашнее положение в Испании.

Посол Наполеона в Мадриде граф Лафорет в письме к герцогу Кадорскому от 5 июля 1810 г., которое также было перехвачено партизанами, сообщает: «Курьер, отправленный из Парижа с почтами 18 и 19 минувшего месяца, приехал вчера, бывши подвержен великой опасности быть перехваченным. Другой курьер из армии и несколько разных почт испанских были перехвачены на дороге от Бургоса к Мадриду. Часто я возобновляю представления о деятельности неприятельских разъездных партий, потому что не вижу ни расположения, ни намерений к уменьшению сего зла: что внезапные нападения на военные посты, на обозы и на курьеров становятся каждый день чаще.

Разбойники поступают без всякой пощады с испанцами, кои служили в чем-либо по королевскому делу, и увозят их из селений. Не упоминая более как только о Мадритской провинции, в которой покорность и деятельная правительственная бдительность конечно совершенны, весьма приметно, что никто не может удалиться от стен столицы, не подвергая себя опасности»²².

Таково было положение в районе Мадрида. А вот как обстояло дело в противоположном конце Испании — в районе Гибралтара. В архивах царского МИД мы нашли письмо (тоже перехваченное!) английского генерала Блэка к одному своему другу, в котором он сообщает: «Неприятель (т. е. французы. — И. М.) весьма недоволен родом войны, которую принужден выдерживать. Я ходил много раз на некоторое расстояние от Гибралтара... и повсюду находил небольшие отряженные корпуса испанской пехоты и конницы. Редко они выдерживают французов, но истребляют их великое число...».

«Офицеры и солдаты французские никогда не могут ходить иначе, как в великом числе, ибо если идут одни или в малом числе, то бывают приносимы в жертву какими-либо многочисленными отрядами испанцев.

²¹ Maldonado José Muños. Historia política y militar de la guerra de la independencia de España. Madrid, 1833, p. 271.

²² АВПР, канц., № 7522, лист 54 и об., папка Madrid, 1810, № 26, Journaux.

По-видимому французы берут города без сопротивления, но не могут сохранять оных, и отряды, которые они оставляют в них, бывают вообще истребляемы. Дезертиры, которые, приходя каждый день в Гибралтар и другие места, делают печальное изображение французов в Испании. Невозможно мне изобразить Вам гордого вида испанских нагорцев. Каждый день приводят пленных в Гибралтар, представляя победоносные знаки, как то: лошадей, гренадерские шапки, мундиры и прочее убиваемых ими французов. Словом, ныне многие из нагорных крестьян, которые прежде покрывались бараньими кожами, одеты совершенно во французские мундиры»²³.

Еще одним характерным документом, бросающим луч света на широкий размах народной войны, может служить донесение российского поверенного в делах в Испании Моренгейма от 26 февраля 1812 г. канцлеру Румянцеву. В донесении отмечалось: «Риск и препятствия, с которыми связано поддержание корреспонденции из Испании с другими странами, и моя неуверенность, доходят ли по назначению различные донесения, которые я имею честь адресовать Вашему Превосходительству, заставили меня делать копии всех депеш, которые я писал по вопросу об испанских делах»²⁴.

Чтобы надлежащим образом оценить значение этого сообщения, необходимо иметь в виду, что в те времена дипломатические представители России за границей обычно писали свои доклады и сообщения министру иностранных дел от руки в одном экземпляре и копий их у себя не оставляли. Нарушение Моренгеймом установленного правила было столь несбыточным исключением, что он счел нужным специально уведомить о том свое начальство. Вместе с тем отмеченное нарушение канонов дипломатической практики свидетельствовало лишь об исключительности положения, созданного в Испании народной войной.

О той же исключительности положения свидетельствовали и другие факты. В докладе того же Моренгейма от 17 апреля 1811 г. мы находим весьма любопытную сводку о количестве французских вооруженных сил на Пиренейском полуострове. Приведем ее полностью.

Картина состояния французской армии в Испании и Португалии

1 корпус (Испания)	28 754 человека
2 корпус (Португалия)	20 000 человек
3 корпус (Арагония)	14 675 "
4 корпус (Андалузия)	14 944 человека
5 корпус (Андалузия)	13 478 человек
6 корпус (Португалия)	22 500 "
7 корпус (Каталония)	19 769 "
8 корпус (Португалия)	22 000 "
9 корпус (Португалия)	14 000 "
Армия центра	21 298 "
1 военный округ	7 873 человека
2 военный округ	9 769 человек
3 военный округ (Наварра)	8 978 "
4 военный округ (Бильбао, Сантандер)	8 991 "
5 военный округ (Бургос)	19 834 человека
7 военный округ (Вальядолид)	9 864 "
Императорская гвардия в Испании	19 826 человек
Парижская дивизия ген. Бонне	3 291 "
Арьергард (войска Рейнской Конфедерации)	16 356 "

Итого 296 200 человек 25

²³ АВПР, канц., № 7522, л. 105 и об.; 106 и об., 107, папка: Madrid, 1810, № 26. Journaux. Приведенное письмо генерала Блэка было опубликовано в «Diario de la Coruña», «Del Sabado» от 11 августа 1810 г. (№ 223).

²⁴ АВПР, канц., № 7528, папка: Madrid, № 1—27, л. 32.

²⁵ АВПР, канц., № 7524—7528, папка: Madrid, Norenheim, 1811, № 8—41, л. 141.

Итак, в начале 1811 г., т. е. через три года после начала войны в Испании, Наполеон вынужден был держать на Пиренейском полуострове 300 тыс. войск, не имея притом даже возможности обеспечить Жозефу Бонапарту регулярную связь с Парижем!

Если вспомнить, что «великая армия», с которой Наполеон пошел на завоевание России, насчитывала около 600 тыс. человек, то легко понять, какую серьезную проблему для французского императора представляла народная война в Испании.

VI

Как бы то ни было, но до 1812 г. французы, хотя и с большим трудом, все-таки могли держаться на Пиренейском полуострове. Этому отчасти помогала внутренняя ситуация в Испании.

«Все войны за независимость, которые в то время велись против Франции,— писал К. Маркс,— носили двойственный характер: возрождения и реакции, но нигде этот характер не был выражен в такой степени, как в Испании»²⁶.

В самом деле, единый национальный фронт, который образовался в стране в годы войны за независимость, состоял из весьма разнообразных социальных элементов. Тут были крестьяне, ремесленники, солдаты, чиновники, интеллигенция, городская мелкая буржуазия; тут была средняя и крупная буржуазия; тут была значительная часть помещиков — особенно тех, кто не принадлежал к придворной аристократии; когда выявился гигантский размах народно-патриотического движения, даже кое-кто из аристократии стал примыкать к борьбе против французов; тут, наконец, было среднее и низшее духовенство, более зависимое от широких масс, чем высшее, которое в большинстве перебежало на сторону Жозефа Бонапарта.

Пока речь шла об изгнании иноземных завоевателей, все элементы национального фронта были едины. Положение, однако, сильно менялось, когда речь заходила о таких вопросах, как будущая конституция страны, земельная реформа, государственные финансы, церковь и т. д. Здесь в рядах национального фронта немедленно вскрывались внутренние противоречия. Если отвлечься от частных случаев, можно сказать, что в лагере испанских патриотов той эпохи имелись два главных крыла:

- 1) консервативное, опиравшееся на помещиков, на церковь, на крестьянские массы, погрязшие в религиозных и политических предрассудках, и
- 2) либеральное, опиравшееся на буржуазию, на интеллигенцию, на студенчество, на ремесленников, на рабочих, на лавочников,— вообще на более демократические слои населения городов, в первую очередь крупных приморских городов.

Борьба между этими двумя лагерями составила главное содержание испанской революции 1808—1814 гг. И надо прямо сказать, что правое крыло было значительно сильнее левого,— да иначе и не могло быть при слабости капиталистического развития тогдашней Испании.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 722.

Именно поэтому, как мы уже указывали выше, в местные «хунты» проникло слишком много представителей старого господствующего класса. Именно поэтому созданная в сентябре 1808 г. «Центральная хунта» оказалась слишком консервативной. Именно поэтому избранные осенью 1810 г. кортесы, заседавшие в Кадисе, — единственном в то время свободном от французов клочке Испании, — мало походили на конвент французской революции. Правда, эти кортесы 18 марта 1812 г. приняли знаменитую Конституцию 1812 г., которая провозглашала верховенство народа, устанавливала однопалатную систему и всеобщее избирательное право, но та же конституция сохраняла монархию, хотя и значительно ограниченную в правах, а также обеспечивала господствующее положение католической церкви. Еще более робки оказались кортесы при решении основного вопроса испанской жизни — вопроса о земле. Закон от 6 августа 1811 г. ликвидировал сеньориальные права помещиков, но сохранил за ними все их земельные владения. Это означало, что в деревне феодализм фактически сохранил большую часть своих позиций.

Все эти события внутреннего порядка оказывали сильное влияние на военную ситуацию. Половинчатость испанской революции, вытекавшая, в первую очередь, из слабости испанской буржуазии, вызывала в широких массах, особенно в крестьянстве, известное разочарование. Первоначальный энтузиазм масс постепенно охладевал, движение «герильерос» из всеобщего превращалось в групповое: партизанские отряды стали сводиться в колонны по 3—6 тыс. человек; они потеряли свою подвижность и неуловимость и сделались легче уязвимыми для французов. Еще сохранившиеся соединения испанской регулярной армии, состоявшие из голодных, плохо вооруженных и плохо руководимых солдат, переживали тяжелый кризис.

В довершение всего между испанцами и англичанами шли постоянные споры, особенно обострившиеся при решении вопроса о главном командовании: англичане настаивали на передаче верховного командования всеми британскими, испанскими и португальскими силами в руки Веллингтона, а испанцы на это не соглашались.

И вот, несмотря на все эти благоприятные для Наполеона обстоятельства, он все-таки оказывался на Пиренейском полуострове в столь критическом положении, что только спокойствие в остальной Европе позволяло ему держать Жозефа на испанском престоле.

Легко понять, какой эффект должно было произвести на Испанию решение Наполеона идти в Россию. Это дало несравненный шанс «герильерос», а также Веллингтону.

Во-первых, постепенно стало уменьшаться количество французских войск на Пиренейском полуострове: теперь войска понадобились Наполеону на других направлениях. В докладе Моренгейма от 26 февраля 1812 г. канцлеру Румянцеву имеется еще одна сводка о диспозиции французских сил в Испании и Португалии. За протекшие с момента первой сводки 9 месяцев произошли значительные изменения, характер которых станет ясен из нижеследующей таблицы (см. стр. 312).

Как видим, по сравнению с апрелем 1811 г. численность французских войск на Пиренейском полуострове сократилась почти на 80 тыс. человек. А ведь Наполеон еще только собирал силы для похода на восток.

1) Южная армия	31 606 человек
В том числе:	
1 корпус ген. Виллат перед Кадисом	13 456 "
4 корпус ген. Кордон в Гранаде	6 750 "
5 корпус ген. графа д'Ертон в Андалузии и Эстремадуре	11 400 "
2) Армия Арагонии, Каталонии, Валенсии под командой маршала Сюше	67 000 "
3) Армия центра под командой короля и ген. Дольтана	22 900 "
4) Личная охрана короля	7 000 "
5) Армия Португалии под командой маршала Мармона, расположенная в Испании (Вальядолид, Талавера, Торо)	31 900 "
6) Северная армия под командой ген. графа Дорсена, расположенная в Старой Кастилии, Астурии, Бискайе и Наварре	59 000 "
<hr/>	
Итого	219 406 человек ²⁷

Во-вторых, теперь осуществилось мероприятие, предлагавшееся в выше цитированном «Обращении» «Севильской хунты» к Александру I, и между Испанией и Россией был заключен военный союз. Это произошло 20 июля 1812 г. в Великих Луках. Договор о союзе был подписан со стороны России канцлером Румянцевым, а со стороны Испании уполномоченным кадисских кортесов Зеа Бермудес. Статья 1 договора провозглашала дружбу, согласие и союз между двумя странами; статья 2 выражала твердую решимость обеих держав вести «мужественную войну против императора французов, общего врага России и Испании»; статья 3 признавала де-юре — и это было очень важно в сложившейся обстановке — кадисские кортесы и принятую ими «Конституцию 1812 г.» Русско-испанский союз сыграл свою роль в ходе борьбы против Наполеона в последующие годы.

Указанные обстоятельства имели большое влияние на развитие войны в Испании. Уже в январе 1812 г. Веллингтон одержал победу под Сиудад-Реалем и затем занял Бадахос. 22 июля того же года, когда Наполеон находился уже в глубине России, разыгралась известная битва под Саламанкой, где Веллингтон и «герильерос» под командой Эмпесинадо разбили маршала Мармона. Жозеф Бонапарт был снова вынужден эвакуировать Мадрид и уйти в Валенсию. В августе французам также пришлось снять осаду с Кадиса и очистить ряд оккупированных ими районов.

Когда же Наполеон потерпел поражение в России, всем стало ясно, что дни его владычества в Испании сочтены. В результате гибели «великой армии» Пруссия и Австрия, поддерживаемые Россией, поднялись против Франции. Наполеон вынужден был снова снять часть своих армий из Испании и перебросить их в Центральную Европу. Французы стали сокращать свой фронт и к середине 1913 г. отошли на линию р. Эбро. Мадрид был окончательно освобожден. У командовавшего французскими силами маршала Клоделя теперь оставалось не больше 75 тыс. солдат. С их помощью он тщетно пытался подавить движение «герильерос» в своем тылу. Положение французов сильно осложнилось наличием огромного, неповоротливого обоза: 2000 повозок шли с награбленным в Испании имуществом, тысячи других повозок везли так называемых «офранцужен-

ных» с семьями, т. е. тех испанцев, которые в годы оккупации сотрудничали с французами.

21 июня 1813 г. у Виттории объединенные англо-испанские силы под командой Веллингтона нанесли французам тяжелое поражение. Удар был очень силен. Даже королю Жозефу пришлось бросить свою карету, чтобы не попасть в плен. Это было последнее крупное сражение на испанской территории, после которого французы стали быстро уходить за Пиренеи.

Известие о поражении под Витторией застало Наполеона в Дрездене. Он был взбешен, посадил Жозефа в крепость и вручил наместничество в Испании маршалу Сульту. В ноябре 1813 г. он заставил находившегося еще в плену Фердинанда подписать так называемый Договор в Валансе, по которому Фердинанд получал испанский трон, но обязывался порвать с Англией и восстановить всех «офранцузенных» в тех должностях, которые они занимали при Жозефе. Однако все это были уже последние судорожные движения обреченного режима, неспособные изменить неотвратимого хода событий. В декабре 1813 г. последние французские войска покинули Пиренейский полуостров.

Война была закончена. Испанский народ одержал блестящую победу, Наполеон потерпел тяжелое поражение.

Тематически связанные материалы

в библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Источники

Французская дипломатия во время Революции: материалы Министерства иностранных дел Франции

Международная политика в документах новейшего времени в договорах, нотах и декларациях.

Ч.1, От Французской революции до империалистической войны

Монографии и статьи

В.Рогинский. Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г.

М.Додолев. За кулисами наполеоновской дипломатии

В.Марков. Иллирийские провинции Наполеона

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.

Фоссей Дж. Кобб Херншоу. Европейские коалиции, союзы и согласия, 1792-1918 гг.